

Полковой праздникъ гродненскихъ гусаръ подь огнемъ непріятеля. Послѣ долгихъ и утомительныхъ скитаній, нашъ полкъ, наконецъ, былъ расквартированъ въ одной изъ деревень Галиціи. По ходу военныхъ операцій въ томъ районѣ, гдѣ пришлось участвовать полку, казалось, что онъ можетъ рассчитывать на нѣкоторый отдыхъ. Но скоро получено было приказаніе нести сторожевую службу, и опять потянулись эскадроны, чтобы сидѣть въ окопахъ и зорко наблюдать за противникомъ. „Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день“! говорили офицеры. „Значить, снова на боевого товарища... разъѣзды, донесенія... смотри въ оба... и прочія прелести“... Въ дни „сторожевки“ четыремъ эскадронамъ дано было распоряженіе находиться въ окопахъ, двумъ—въ резервѣ, въ ближайшей къ непріятелю деревнѣ, а штабу полка—въ томъ мѣстѣ расположенія, которое первоначально было отведено для стоянки полка. Предстоялъ день полкового праздника. „Гдѣ намъ Господь приведетъ помолиться, да и возможно-ли будетъ совершить богослуженіе“,—невольнo задумывался я, учитывая трудную военно-боевую обстановку, полную неожиданныхъ переменъ и случайностей. Видимо, тѣ-же невеселыя мысли волновали и моего почтеннаго ктитора. По крайней мѣрѣ я уже нѣсколько разъ видѣлъ его со сложенными назадъ руками, нервно шагающаго вдоль дороги. Вѣрный признакъ „маленькой потери душевнаго равновѣсія“, какъ любилъ подтрунивать надъ собой въ такія минуты мой ближайшій сотрудникъ по церкви.

— Вотъ, батюшка, приближается одинадцатое Іюля.—заговорилъ онъ, сидя со мной за чаемъ.—Что намъ принесетъ этотъ день? Будетъ-ли у насъ обѣдня? а, можетъ быть, не удастся отслужить и молебна?

— Надѣюсь, что Господь не оставитъ насъ своею милостію. Въ Управленіи бригады не предполагають внезапнаго выступленія—.

Прошелъ день, другой. Наканунѣ праздника выяснилось, что одинадцатаго Юля пойдуть въ „сторожевку“ гусары для смѣны эскадроновъ другого полка бригады. Итакъ, радостныя надежды на возможность богослуженія разсѣялись, какъ легкій дымъ. Грустно. „А счастье было такъ близко“... Ну, что-жь: на все воля Божія!.. Вечеромъ однако я былъ глубоко обрадованъ разговоромъ съ командиромъ полка. Горячо принимая религіозныя нужды воинскихъ чиновъ къ сердцу, и на этотъ разъ нашъ генералъ неуклонно пошелъ имъ навстрѣчу. Было рѣшено въ день праздника (въ память Св. Ольги) отправить молебенъ въ деревнѣ, въ мѣстѣ стоянки резервныхъ эскадроновъ, и тѣмъ самымъ дать религіозное утѣшеніе если не всей полковой семьѣ, то хотя, относительно, свободной отъ тяжелой служебной работы.

На другой день утромъ, взявъ необходимую церковную утварь, я сѣлъ въ свой возокъ и отправился вмѣстѣ съ церковникомъ въ указанную мнѣ деревню, расположенную отъ штаба полка верстахъ въ четырехъ. Дорога доставила мнѣ одно удовольствіе. Стояла чудная погода. Нѣжный, ласкающій вѣтерокъ, яркое солнце лѣта на фонѣ безоблачно бирюзоваго неба создавали прекрасное настроеніе духа. Я съ наслажденіемъ вдыхалъ смолистый, бодрящій запахъ сосны, проѣзжая мимо красиваго лѣса, и любовался золотымъ моремъ уже спѣлой и мѣстами скошенной ржи. Вотъ показалась и деревня. Лошади бѣжали крупной рысью, и я скоро подѣхалъ къ хаткѣ, гдѣ устроено было временное собраніе. Стрѣлки часовъ показывали послѣ двѣнадцати, и эскадроны собирались на молебенъ, назначенный въ часть дня.

Въ саду, за хатой была выбрана просторная площадка для молебна. Раздалась команда: „на молитву. Шапки долой“!.. Священникъ сказалъ причествующее случаю слово, засимъ произнесъ возгласъ и полились тихіе и глубоко-умилительныя звуки пѣнопѣнія, возносимаго церковью Духу Святому. Истово молились гусары. Вспоминали они славныя дни лихихъ атакъ, гдѣ рубились съ упорнымъ врагомъ, и колѣнопреклоненныя возсылали благодареніе Творцу за спасеніе свое, Его милостію дарованное въ огнѣ боя, и съ пламенной вѣрой испрашивали у Господа силъ благодатной помощи на одолѣніе вражскихъ полчищъ. Воодушевленные такой вѣрой, какъ мощно и съ какимъ религіозно—восторженнымъ подъемомъ пѣли „Спаси Господи“, когда священникъ обходилъ по фронту и окроплялъ ихъ святой водой.

Но, чу! словно тяжелый гигантскій молотъ разсѣкъ воздухъ и гдѣ-то тамъ, еще далеко, но уже ближе, и ближе, послышалось противное „фурчанье“, затѣмъ шипѣнье и свистъ, и надъ головами гусаръ пронесся громадный снарядъ. Раздался страшный трескъ и сѣро-желтый столбъ дыма взвился влѣво отъ площадки въ направленіи фольварка. Хранилъ Господь вѣрныхъ слугъ Царевыхъ отъ напрасной смерти. Своими мрачными крылами она не коснулась ни одного воина и, лобызая животно-рящій крестъ, при пѣніи тропаря святой княгинѣ Ольгѣ, еще набожнѣе осѣняли себя гусары крестнымъ знаменіемъ, какъ символомъ побѣды надъ зломъ, и въ глубинѣ благоговѣйнаго чувства повторяли слова тропаря, ведемъ сердцемъ вѣруя, что сохраненіемъ жизни своей они всецѣло обязаны дивному заступничеству Святой покровительницы полка. Великія и надолго неизгладимыя минуты!

По окончаніи молебна, веѣхъ присутствовавшихъ на немъ командиръ полка пригласилъ откушать. Были накрыты столы на той-же площадкѣ,

гдѣ совершалось богослуженіе, но подѣ прохладной тѣнью деревьевъ. Нашему взору открывалась прелестная картина. Вблизи начиналась густая аллея, что вела къ фольварку, а по склонамъ ея, забранное по краямъ шапками ветль, растилалось уступами обширное изумрудное поле подѣ золотыми въ своей срединѣ волнами высокой ржи.

За обѣдомъ завязалась оживленная, дружеская бесѣда. Дѣлились впечатлѣніями пережитого момента.—Ну, что,—обратился всегда веселый и до безумія отважный ротмистръ И. къ своему сосѣду, молоденькому корнету,—если-бы такая штучка ударила въ голову?! — Пожалуй, не осталась-бы и уха, какъ у гусара Гребельникова, что недавно въ лѣсу разорвало снарядомъ.—А все-же моментальная смерть лучше длительныхъ мученій,—замѣтилъ съ философскимъ спокойствіемъ добродушнѣйшій нашъ докторъ,—но мнѣ... И не успѣлъ кончить за грохотомъ начавшейся артиллерійской дуэли. Бумъ! Бумъ!! Бумъ!! звенѣло въ нашихъ ушахъ. Снаряды, словно насыщенные неистовой злобой, какъ страшныя чудовища, съ шипѣніемъ и свистомъ начали нестись черезъ наши головы и вблизи съ громкимъ трескомъ рвались на полѣ. Впослѣдствіи оказалось, что мы попали „въ мѣшокъ“. Сзади насъ въ саженяхъ двухстахъ была артиллерійская наша позиція, а въ трехъ-четырехъ верстахъ тяжелая артиллерія противника. Впереди насъ на разстояніи значительно меньшемъ версты, т. е. въ саженяхъ трехстахъ, фольваркъ съ квартирами для начальствующихъ лицъ. Непритель, видимо, прекрасно зная, что на фольваркѣ находился штабъ дивизіи и бригадный, приложилъ тщательныя старанія разбить зданія фольварка, что ему отчасти и удалось. Въ то-же время причиною артиллерійскаго огня противника служило страстное, надо думать, желаніе заставить замолчать нашу артиллерию, тѣмъ болѣе, что она, какъ позднеѣ стало извѣстнымъ, наносила крупный уронъ непрительской пѣхотѣ, укрытой въ деревнѣ за своей артиллеріей.

Такимъ образомъ, положеніе участниковъ обѣда было далеко незавиднымъ. Перелетъ снарядовъ за нашу артиллерию грозилъ постоянной намъ опасностью, съ одной стороны,—съ другой, недолетъ ихъ въ направленіи фольварка ежеминутно подвергалъ нашу жизнь ужасному испытанію.

Такъ продолжалось почти часъ. Жуткое воспоминанье. Но незабвеннымъ оно будетъ тѣмъ, что въ эти грозныя минуты Промыслъ Божій молитвами святой заступницы полка не только избавилъ насъ отъ скорбной участи, но ради благодатнаго ея предстательства предъ Господомъ, Онъ, Милосердный, сохранилъ намъ въ полной мѣрѣ неоцѣненный Свой даръ—нашу жизнь. Поистинѣ: „Дивенъ Богъ во Святыхъ Своихъ“!

Священникъ Николай Гончаровъ.